



Игорь Алимов
Клокард
Серия «Пластилиновая жизнь», книга 3

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2868875

Аннотация

Полицейский инспектор Дэдлиб не оставляет попыток разгадать, кто же (какое лицо или группа лиц и в чем состоит их преступный умысел?) скрывается за торговой маркой «И Пэн». На сей раз ему приходится действовать в глубоком подполье – одному, безо всякой опоры на полицию и армию города Тумпстауна. Жизнь не без добрых людей, и у инспектора появляются помощники – придурковатая хакерша Жужу Цуцулькевич и славный своей мудротой яурэй Поликарпыч. Но хлопот от них не меньше, чем помощи...

Содержание

Предисловие	4
Клокард	8
1	8
2	12
3	16
4	19
5	23
6	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Игорь Алимов

Клокард

Лене П. и Джону Ш. – их чудовищной самобытности посвящается

Предисловие

Господин Дройт пробудился среди ночи от шума: с первого этажа доносились громкие голоса. Потом что-то там упало с грохотом. Звякнуло стекло.

Одевшись и вооружившись, г. Дройт печально покачал головой – ну отчего людям не хватает для молодецких забав дня? Почему усталому путнику, остановившемуся скоротать ночь на захудалом постоялом дворе с сомнительным названием «Крупный гризли», не дают обрести покой и полноценно восстановить силы перед завтрашним изнурительным переездом в очередном дрянном дилижансе? И вообще – пора уже в конце концов отказаться от этих допотопных средств передвижения, у которых чуть что отлетают колеса. Да и трясутся они на ухабах мерзких дорог так, что самая мысль о пище становится отвратительной. А эта пыль!.. Приспело время ставить вопрос ребром, и по возвращении в Тумпстаун г. Дройт непременно ознакомит нарождающуюся Палату лордов, а также представителей местных деловых кругов с прогрессивной идеей железной дороги...

Крутая темная лестница изрядно скрипела, но г. Дройт еще днем изучил все ее особенности и ступал тихо. Меж тем шум в общем зале приобрел совершенно нерядовые очертания, и если сначала можно было подумать, что кто-то просто решил среди ночи выяснить отношения, то теперь стало ясно – внизу явно происходит нечто большее. Г. Дройт на всякий случай приготовил свой верный «уидли».

Неслышно выйдя на галерею, г. Дройт с любопытством, но не привлекая однако же излишнего внимания, посмотрел вниз.

В центре зала, за столом, сидел дюжий толстый субъект со свирепой красной мордой, которую ничуть не украшали вислые усы и спутанные бакенбарды. Перед ним на столе валялся «винчестер» и плеть с блестящей ручкой. Рядом стояли еще шесть человек с оружием и в идиотских мексиканских иляпах: лица их излучали звериную свирепость, а грубые руки сжимали исцарапанные рукоятки револьверов, заткнутых за широкие пояса, украшенные медными бляхами. Сущие разбойники с большой морлемской дороги.

– Ты, гад, – внушал толстый субъект (видимо, предводитель злодеев) владельцу «Крупного гризли» Тому Вильямсу, застывшему напротив. – Гони деньги и поживее, а потом мы почистим твоих постояльцев.

– Какие такие деньги? – Вильямс отвечал таким голосом, будто вообще никогда денег не видел и в руках не держал. – Нет у меня никаких денег!.. И лучше бы ты уходил, Билли, потому что тебя ждет виселица!

Упоминание о виселице, видимо, задело Билли за живое, потому что он вдруг ухватил плеть и огрел ею с размаху Вильямса по лицу, а его приятели, тоже очень впечатлительные люди, стали с гоготом палить из своих револьверов в зеркала и бутылки, нанося заведению ощутимый урон.

– Я тебе не Билли, а Большой Билл. И я не люблю говнюков. В этом все дело, Том, – разъяснил главарь Вильямсу, свалившемуся от удара на пол. – В последний раз тебе говорю, засранец, гони деньги. Они мне нужны.

Вильямс издал стон согласия.

– Ну то-то! – удовлетворенно заметил Большой Билл и извлек из специального кармашка на поясе кубинскую сигару в металлическом футлярчике. Его приятели довольно загалдели и стали перезаряжать оружие.

Г. Дройт решил воспользоваться образовавшейся паузой, взял бандитов на мушку и уже совсем было собрался гуманно предложить им сдаться, как вдруг входная дверь постоялого двора распахнулась и на пороге явился весьма объемный господин в сером – потрепанном, но дорогом – костюмчике «сафари», пробковом шлеме и с автоматической винтовкой М-16 наизготовку. Винтовка была знатная: с оптическим прицелом, глушителем, а также подствольным гранатометом.

Распахнутая куртка господина позволяла видеть ремень толстой кожи с зарядами для подствольника, подсумками для магазинов к винтовке, большой кобурой (которая висела как раз на причинном месте), а также со всяким другим полезным снаряжением. Ремень перетягивал дородный мускулистый живот, обтянутый шелковой майкой с надписью «Don't», живот незаметно переходил в очень широкую грудь, а сразу из груди, без шеи, росла большая голова.

Лицо у господина было флегматичное, лишенное растительности, зато украшенное огромными черными очками с процарапанными в центре крестиками. В углу рта агрессивно торчал пустой мундштук.

Появление господина с винтовкой стало для Большого Билла некоторой неожиданностью, однако он не оценил всей важности этого события, поскольку, видимо, совершенно не разбирался в людях, а потому безо всякого интереса оглядел пришедшего и спросил скорчившегося на полу Вильямса, швырнув в него для убедительности пустым футлярчиком от сигары:

– Это еще кто? Эй, Вильямс, что это за чучело притаилось сюда?

Вильямс всем телом выразил недоумение и с трудом поднялся, зажимая кровоточащую рану на щеке.

– Ну, ты! – со свойственной ему грубостью обратился Большой Билл к господину. – Тебе что тут надо? Уматывай!

– Я хотел бы снять комнату, – ответил господин в очках, грызя мундштук, и мизинцем расстегнул висевшую у него на брюхе кобуру. Показалась рукоятка тяжелого браунинга.

– Ну ты даешь! – удивился Билли. – Не видишь разве, что хозяин маленько занят?

– Вижу, – спокойно отвечал господин. – Не слепой. – И без всякого предупреждения дал очередь из своей замечательной винтовки поверх голов собравшихся. Зазвенели стекла.

Бандиты опешили и предусмотрительно застыли.

А решительный господин в одно мгновение пересек зал и вбил ногою стол прямо в грудную клетку Большому Биллу, после чего дал еще одну очередь в пол перед его дернувшимися было приятелями и поглядел на них со значением.

Бандиты все же не до конца осознали серьезность своего положения: они настороженно следили за незнакомцем, сжимая револьверы, и, по всей вероятности, не расставались с мыслью пустить их в ход. Господин задним ходом неторопливо взойшел на стол, под которым был погребен Большой Билл, отчего последний стал хрипеть и таращить глаза, и положил руку на подствольный гранатомет. Такого аргумента оказалось достаточно.

– Э... – просипел самый сообразительный из сообщников Большого Билла. – Э-э... куда сложить оружие, сэр?

– Туда, – господин подбородком указал на стойку.

Когда оружие было сложено и бандиты с поднятыми руками выстроились у стенки, господин поставил винтовку на предохранитель и обратился к Большому Биллу, на котором стоял, с речью:

– Слушай, ты, – сказал он. – Я очень не люблю, когда стреляют ночью. Я ночью привык спать. А ты тут расстрелялся... Я в этом месте намерен снять комнату, и пока я здесь пребываю, чтобы духу твоего вонючего в радиусе мили не было. Иначе я тебя пристрелю и закопаю на заднем дворе. Я понятно излагаю?

Большой Билл захрипел утвердительно.

Вдруг в зале невесть откуда появилась маленькая черная собачка с огромными, торчащими в разные стороны ушами-локаторами и глазами навывкате. Собачка была гладкошерстная, не больше среднего размера кошки, и производила самое мерзкое впечатление. Стуча в установившейся гулкой тишине коготками, она уверенно подбежала к выстроившимся у стены бандитам, внимательно оглядела их, а потом уселась напротив одного и сказала удивительно противным – хриплым и низким для такой собачки – голосом:

– Гав.

Увидев собачкины манипуляции, господин с ружьем улыбнулся счастливой улыбкой и сказал:

– Молодец, Борман! – И потом сурово, бандиту: – А ну, вытащи ту пакость, что у тебя в кармане!

Бандит достал двумя пальцами маленький «вальтер», собачка ловко, в прыжке выхватила пистолет и отнесла на стойку. Там она уселась на груди оружия, раздраженно прихихиваясь.

– Да. Вот так, – возобновил речь господин. – Ты все понял? – спросил он еще раз Большого Билла.

– Да... – запузырил тот слюнями. – Вы не могли бы, сэр... Это... Переступить на другую ногу... Стол грудь пронзил, – пояснил злодей.

– Это можно. – Господин выполнил просьбу и продолжал. – Теперь вот что. Гони сейчас же выкуп в тысячу долларов, потому что ты тут всю посуду перебил, а я не привык жить в свинарнике. Оплачивай, одним словом, посещение и проваливай. Я хочу спать. Понял?

– Понял, – отвечал Большой Билл.

– Вот и славно, – молвил господин, прыгнув с Билла.

Предводитель разбойников представлял собой трагическое зрелище – то была фигура крушения надежд и идеалов. Из размахивающего плетью лихого налетчика он превратился в простого пузатого дядьку с посиневшим от пьянства лицом. Господину Дройту даже стало немного жаль мерзавца. С другой стороны, он пожалел, что не захватил с собой в путь Люлю Шоколадку, – тот очень порадовался бы этой сцене.

С криком усевшись, Большой Билл стал неловко копаться в карманах и извлекать из них мятые доллары. Он долго и сосредоточенно, слюнявя пальцы, считал, а потом разложил на стуле грудку бумажек и кучку мелочи:

– Вот, сэр... Десяти с половиной долларов не хватает...

– Ладно, – резюмировал господин. – Потом занесешь. Плетку и оружие я конфискую. А теперь проваливай, пока я не передумал.

– Да, сэр. – Большой Билл, хромя, покинул помещение. За ним хмуρο последовали его сообщники.

– Ну-с, – обратился тогда господин с винтовкой к Вильямсу. – У вас, хозяин, найдется какая-нибудь комната на день? Я тут проездом в Тумпстаун и...

Закончить ему не дала собачка, унюхавшая наконец господина Дройта. Она задрала вверх свою противную морду и высказалась:

– Гав.

– Кто там, Борман? – спросил господин. Будто эта мерзкая тварь могла ему ответить!

– Аллен Дик Дройт, если позволите, – отвечал за собачку граф Винздорский и, не таясь более, вышел на простор лестницы. – Уже десять минут наблюдаю, как вы тут всех морально уничтожаете. Очень своевременное и поучительное зрелище. Собственно, я и сам направлялся сюда с теми же целями, но вы меня несколько опередили.

– Извините, если помешал, – галантно отвечал господин, прислонив свое основное оружие к стенке и застегивая кобуру. – Я, видите ли, здесь проездом. Направляюсь в Тумпстаун, ибо наслышан о тамошних великих делах. Остановился у этого постоянного двора, вдруг – стрельба, крики... – Он вставил в мундштук «жиган» без фильтра. – Меня зовут Джордж Лупински, барон Такбелл. А это – Борман. Еще у меня с собой есть шимпанзе, попугай и две кошки, но они ленивые и спят со слугой в машине. А вот Борман пришел мне помочь. Молодец, Борман! Хозяин, плесните Борману вполовину разбавленного «Чинзано», вон у вас бутылка стоит целая. Он сегодня заслужил «Чинзано», да, Борман?

Клокард

1

Предводитель бабуинов Патрик выглядел неважно.

Оно и понятно.

Никто не может сохраниться в первозданной неприкосновенности, когда его преследует, а потом неизбежно настигает сержант Джилли Эванс.

Даже такой крупный господин как Патрик. Потому что Джилли Эванс еще крупнее.

Внешне Патрик и Джилли – приблизительно одной комплекции и веса, но понимающий человек смотрит в корень и видит, что природная мощь Патрика давно и безнадежно подорвана неправильным образом жизни и регулярными злоупотреблениями разной градности и разнузданности.

Любой скажет, что возомнивший о себе многое Патрик напрасно махнул рукой на ежедневные тренировки и обленился, почивая на лаврах серьезного рахиминистического авторитета и самого крупного (по размеру) завсегдатая кабака «У гиппопотама». А вот Джилли – Джилли оказался в этом смысле гораздо дальновиднее, и пока Патрик простодушно распивал спиртные напитки, курил гашиш и сокрушал кулачищами всех тех, кто ниже ростом, Джилли терпеливо отдавал должное тренажерам, спаррингу и многокилометровым пробежкам трусцой в легкие часы утренней прохлады. Ибо что может быть лучше на рассвете, чем джоггинг?

Патрик еще мог надеяться временно вывести Джилли из строя – особенно если бы напал на того из-за угла и огрел по голове железной палкой – но в прямом столкновении у предводителя бабуинов шансов практически не оставалось. Его заплывшие жирком разнузданной политической борьбы мозги вполне были в состоянии подсказать верный путь – бегство, но увы! – когда Джилли кого-нибудь ловит, то это – всерьез. Джилли вообще относится очень ответственно ко всему тому, за что берется. Тем более если один раз уже так позорно подставился и дал укусить себя за ухо, тем самым упустив мерзавца Патрика.

И сержант отыскал-таки беглеца в закоулках метро, а когда настиг, то минут через пятнадцать Патрик был уже надежно связан: он сопротивлялся – о да! он пинался, он кусался, он даже бил противника животом. Но тщетно. В результате Джилли сломал Патрику правую руку, выбил все передние зубы и вообще основательно попортил Патриковский организм, что особенно отразилось на лице рахиминистического авторитета, которое практически превратилось в один большой красивый синяк, сформированный по всем правилам высокого кулачно-прикладного искусства. О сломанных ребрах мы тактично умолчим.

Так что Патрику было нехорошо.

– Ну что, милый, – задумчиво обратился я к плененному, открывая холодную бутылку «Гиннеса». – Ты настроен немного поговорить о главном? Выдать мне прямо сейчас всякие там поганые рахиминистические секреты? Ведь ты – большой босс у этих жертв непорочного зачатия. Это мне в доверительной беседе поведали твои... как их? соратники. И вот я думаю, что пришло времячко, пришло прекрасное, чтобы и ты поделился со мной порцией сокровенного знания, потому что твои... как их? соратники были как один разговорчивы, милы и вежливы. – Произнеся эту удивительную по мощи убедительного воздействия речь, я откинулся на спинку стула и произвел первый, самый приятный глоток из горлышка. – Колись давай.

Какие эмоции охватили Патрика – а они просто неизбежны после таких проникновенных слов, эмоции то бишь – сквозь синяки разглядеть не представлялось возможным; он

лишь пожевал тем, что совсем недавно называлось губами, издал легкое носовое мычание, шумно вздохнул и принялся рассматривать пол.

Похоже, проняло не до конца, понял я.

– Вижу, мысли твои разбежались, и ты не знаешь, с чего начать поток своей очистительной речи. Я тебе помогу, милый. Расскажи мне буквально все, что знаешь про смычку рахиминистического, гм, движения с преступным элементом: где, когда, кто с кем и сколько. Покайся. А тебе за это скидка выйдет. Я же не зверь какой-нибудь, я понимаю.

Ведь это правда: я совершенно не зверь. Могу, конечно, в расстройстве чувств врезать пару раз по всяким болезненным местам в организме, но это же меня довести надо, да и потом – только пару раз. Не больше. Ну в самом крайнем случае – три раза. И все.

– Нисего не снаю, – выдал наконец Патрик сиплым от переживаний голосом. С дикцией у него было плоховато. Сказывалось отсутствие зубов.

– Да как же так? – ласково улыбнулся я. – Любой человек что-нибудь да знает. Скажу тебе больше: человек обычно до фига всего знает. Номер карточки социального страхования, девичью фамилию бабушки, размер своих носков, цену на бутылку бурбона в ближайшей лавке... Человеческая жизнь сопровождается получением самых бессмысленных, на первый взгляд, знаний. Так что насчет «ничего не знаю» ты явно погорячился. – Я снова отхлебнул из бутылки. – Но, как ты сам догадываешься, твои родственники и носки меня интересуют мало – особенно последние, тем более что к текущему моменту я знаю про сии материи все, что только можно знать. Меня интересует расположение, а главное – скрытые подходы к вашей поганой плантации опийного мака, а также место, где вы гоните из мака героиную отраву. Вот быстренько расскажи мне про это и я отправлю тебя в камеру, куда к тебе незамедлительно придет доктор и вставит новые зубы за государственный счет. Не первый класс зубы, конечно, но чего ты хотел? Предыдущие у тебя были еще гаже, я видел обломки.

Патрик метнул в меня яростный взгляд и пошевелил могучим задом, пробуя крепость стальной табуретки, намертво приваренной к полу. Звякнули толстые цепи, надежно принайтовывающие предводителя бабуинов к сидению. Видимо, зубами Патрик дорожил.

– Еще поймей в виду, сколько на тебе всего висит, милый. Собственно, я с тобой разговариваю только из природного интереса ко всяким уродам. Потому что ты столько натворил, ну столько натворил! Ужас. На десятерых легко хватит. – Я отставил бутылку и принялся неторопливо загибать пальцы. – Сопrotивлялся при аресте. С оружием в руках. Убил несколько сотрудников полиции. При большом стечении свидетелей, между прочим! Попортил чужую собственность в особо крупных размерах. И наконец – ты уже семь лет нагло не платишь налоги. Собственно, это главное. Так что сидеть тебе – не пересидеть. Что с тобой вообще разговаривать?

Патрик снова задышал – и в дыхании его явно слышалось глубокое сочувствие к себе, любимому – но вслух не произнес ни слова. Крепкий рахиминистический орешек.

– Но я, человек невиданной гуманности, хочу дать тебе шанс. Не знаю уж почему. Такой я сентиментальный. Люблю живое. Сочувствую ему. Ну и пока ты жив, я и тебе сочувствую. Короче, так. Ты мне все-все рассказываешь, а я тебе оформляю добровольную помощь следствию, новые фарфоровые зубы и двадцать пять лет в «Голубой птичке». Идет?

Патрик снова взглянул на меня, но теперь в его заплывших глазах читалась явная заинтересованность. «Голубая птичка» – не курорт, конечно, но там все камеры одноместные, с телевизором, гулять на поверхность выводят два раза в день, а по праздникам дают двойной виски в пластмассовом стаканчике. В «Голубой птичке» у Патрика с его достоинствами были очевидные шансы если не на побег (за все время существования этой милой тюрьмы из ее глубоких подземелий сумели убежать только двое и это были поистине выдающиеся люди! Патрик им не чета), то уж по крайней мере на относительно непыльное существование в качестве местного бугра.

– Ну... – прошепелявил Патрик. – Я... это...

– Чудесно! Чудесно! – всплеснул я руками и ухватил бутылку. – Говори, говори, милый!

– Я шасто налушал сакон... Я толговал налкотиками... Я фосглавлал панду... – Предводитель бабуинов даже покраснел от нахлынувшего в виду светлых перспектив приступа откровения. – Мы с длузями часто плали чушое... Мы фылащивали опиум... – Слова давались Патрику с трудом, свежеперебитый нос непрерывно шмыгал.

– Ах ты преступник! – погрозил я пальцем. – Ну-ка, взгляни сюда. – Из казенной пластовиковой папочки я выхватил мятый, исчирканный карандашом листок бумаги. – Смотри: здесь ваши плантации?

Патрик по возможности вытянул то, что у него называлось шеей, вгляделся.

На бумажке схематично, но довольно ясно была набросана схема – плод картографических усилий Мишеля Сакстона, сломленного-таки целебным воздействием магической группы «Кретинос бэнд» – кривые стрелки недвусмысленно указывали направления правильного, то есть скрытного выдвижения; жирные кружки метили опорные пункты и места охранительных постов; в верхнем дальнем углу неправильным четырехугольником была обозначена лаборатория по переработке полученного сырья. У Мишеля оказались на редкость кривые руки и полное отсутствие способностей к рисованию, но общее положение вещей вполне улавливалось: сюда ходить не надо, эти и эти посты лучше обогнуть тут и тут, а здесь расположена небольшая, но очевидно стратегическая высотка, украшенная кустами, в гуще которых расположен, вестимо, офигенный пулемет, и если ее захватить, без труда получишь господствующее положение над прочей местностью, вплоть до пальмовой рощицы, что на севере. Вполне понятный план. Если он соответствует действительности.

Здесь-то основательно и порылась собака: мы уже провели предварительную аэрофотосъемку, однако же она дала до обидного мало – над плантациями практически постоянно царил высокая облачность, а когда однажды облака разошлись, оказалось, что некое возделанное поле и живописная стайка пальм просматриваются достаточно хорошо, а вот все прочие пункты – нет. Или замаскированы прилично, или Сакстон нарисовал какую-то не соответствующую действительности фигню. Правда, там, где по его показаниям должна была стоять лаборатория, действительно красовался какой-то большой барак, но... Передвижений на местности не наблюдалось. Что вполне объяснимо: я бы тоже не стал бегать среди наливающих соком маков, когда на небе ни облачка и над головой черт знает что может пролететь.

Честно говоря, я не очень понимал господина шерифа – ведь именно он повелел допрашивать всех этих смрадных типов в кожаных трусах, добиваясь от них точного плана скрытного проникновения на удаленную базу; г. Дройт не сказал еще ничего определенного, но у меня возникло справедливое подозрение, что в его планы входит захватить все это героиновое хозяйство, причем – с минимальными потерями с обеих сторон. Но мой вкус занятие пустое и зряшное: расположение поля мы уже установили, диспозицию сфотографировали, и все, что теперь требовалось, – послать туда крыло штурмовиков, которые, выйдя из-за дальних холмов, покрошат НУРаами в мелкую капусту и мак, и местных трудящихся, и их лабораторию, сравняют с грунтом, засеют крупнокалиберными пулями, и вот тогда можно будет спокойно, не торопясь, подъехать и посмотреть, что там осталось. Если осталось, что вряд ли. Но господин шериф иногда любит все усложнять. Потому что у него есть разного рода государственные мотивы, в чем я не раз уже имел возможность убеждаться и к чему давно привык. Видимо, так надо...

– Да, – довольно уверенно подтвердил Патрик, покончив с созерцанием рисунка Сакстона. – Это сдесь... Все плавилово...

Вот ведь мерзавец! Сказал – и глазки в пол спрятал. Вонючий самец бабуина. Думал, я не замечу легонькой такой искорки, промелькнувшей в его бандитском взоре. Думал, я не

обращу внимания, как он заметно расслабился, растекся задницей по табуретке, рассмотрев как следует план. Думал, я, опьяненный победой, не придам значения ехидной ухмылке, на долю секунды исказившей его разбитую морду, которую он сейчас так старательно от меня прятал. Радовался Патрик. Радовался!

Ах Сакстон, Сакстон!..

Ну молодцы.

Затейники.

2

На первый взгляд, все выглядело достаточно просто: скрытно подобраться к основной огневой точке противника, тихонько перебить всех, кто там сидит, овладеть пулеметом и под его прикрытием с трех сторон – по дороге и с флангов – подкатить к лаборатории. А дальше – по обстоятельствам.

– Робсон, вы и ваши люди ожидаете сигнала здесь, – ткнул я пальцем в карту. – Сержант Вильямс заходит отсюда. Я иду в центр. Вертолеты поддержки ждут моего сигнала. Действуем строго по плану. Ясно?

Мы сгрудились у головного армейского джипа, который я на время операции избрал своим штабом, и впереди, за покрытой кустами пологой возвышенностью начиналась та самая долина, где злые люди беспечно выращивали мак, а позади, примерно в полукилометре, под прикрытием холмов неслышно притаились пять хорошо вооруженных «Хью-Кобр».

Утро было солнечным, безветренным и, как следствие, жарким. Впрочем, кого в Тумптауне и особенно ок(рестностях) удивишь жарой?

– Мы с Джилли захватываем основную огневую точку, вы нейтрализуете этих ребят здесь и здесь. Что, Майлс?

– Шеф! – Майлс погладил любимый «Томпсон». – Разрешите мне пойти с вами, шеф! Хочу быть на передовой.

– Сегодня всюду передовая, Майлс. Отставить. Ваша позиция – джип, и я на вас надеюсь. – Сержант вытянулся браво, насколько возможно. Я обвел подчиненных значительным взглядом. – Выдвигаемся скрытно. Без сигнала не стрелять. Умело пользоваться глушителями, но по возможности брать злодеев живьем. Вперед!

Я всегда удивлялся, как Джилли при его неслабой комплекции в случае необходимости удаётся передвигаться бесшумно и скрытно: казалось бы, эта двухметровая гора мускулов, увешанная к тому же всяким полезным боевым снаряжением, должна издавать как минимум лязг боевой машины пехоты, а поди ж ты – Джилли скользил среди чахлой растительности с ловкостью прыткой ящерицы, ни одну травинку не пошевелил, и если бы я не знал, куда сержант движется, то, пожалуй бы, со стороны и не заметил, где он. Пролетавшие птички посматривали на Джилли с дружелюбным интересом, однако же безо всякой опаски: ну ползет что-то крупное, стелется по земле, перетекает от бугорка к бугорку – но резких, вызывающих желание с криками прянуть прочь движений не делает, так что и пусть его, мало ли.

Я тоже показал себя молодцом и взял дистанцию без особых происшествий – за исключением не крупной, но явно ядовитой змеи, на которую чуть не наступил по невнимательности. Змея попыталась меня цапнуть, но я увернулся и умело пригвоздил ее башку малым ножиком к земле. Так она там и лежит где-то. Уже извялилась, наверное.

Аккуратно раздвинув ветки стволом «хеклера-коха MSG-90», я выплянул и увидел метрах в ста от себя тот самый возвышающийся над местностью холмик: в кустах на его вершине просматривались серые мешки с песком – должно быть, укрепления этого импровизированного редута, а в просветах между мешками торчала пара внушительных стволов, направленных в нашу сторону. Ну естественно: тут не один пулемет, а несколько! Толстые стволы смотрели не прямо на нас с Джилли, а в стороны: направо и налево.

Приложившись к оптическому прицелу, я принялся изучать расположение противника и тут же вычислил две ярко выраженные цели: один бездельник торчал рядом с правым пулеметом и его бритая башка ярко блестела на солнце; мерзавец увлеченно читал газету и потягивал какое-то бандитское пойло из металлической фляжки. Другой, в легкомысленной розовой кепочке, самозабвенно курил у левого пулемета потрепанный размерами косяк и

возмутительно демаскировал свою позицию сизыми клубами дыма, за эволюциями которых наблюдал, счастливо раззявив рот.

Оба, судя по всему, – стопроцентные идиоты.

– Вижу двоих, – прошелестел в наушнике голос Джилли. – Один курит траву, другой пьет.

– Аналогично... – шепнул я. – Подождем. Может, у них там третий есть...

Солнце медленно лезло к зениту, жирная муха села на оптический прицел, погуляла по стеклу и улетела.

И тут действительно обнаружился третий – пузатый здоровяк с небритой наглой рожей и в несвежей майке, он возник из-за мешков откуда-то сбоку, совершенно не скрываясь, и первым делом отвесил подзатыльник придурку с косяком, отчего розовая кепка описала красивую дугу и шлепнулась оземь далеко за пределами редута; в прицел было хорошо видно, как гневно шевелятся мясистые губы пришедшего: надо полагать, начальник огневой точки был недоволен поведением подчиненных на посту и сейчас распекал ближайшего. Наказуемый смущенно загасил косяк в ближайший мешок и, выставив перед собой руки, принялся оживленно оправдываться. Тем временем к ним подтянулся, бросив свой боевой пост, и бритый – фляжку он предусмотрительно спрятал и теперь с интересом наблюдал события.

Все трое были как на ладони.

Лучшего момента ждать не имело смысла.

– Джилли, бери толстого, я уложу остальных. Давай!

«Хеклер-кох» упруго ткнул меня в плечо два раза; толстяк, не успев как следует изумиться, с пулей в башке рухнул рядом со своими подчиненными.

Минус три.

Через несколько секунд мы с Джилли уже осваивались за мешками. Придурки во главе с пузаном кучно валялись рядом с ближайшим пулеметом неизвестной мне системы; неподалеку, на ящиках, заменявших беспечным засадникам стол, попискивала солидная полевая рация; и вообще они свили здесь себе удобное гнездышко, в котором можно было некоторое время продержаться без особых усилий: куча оружия и боеприпасов – все, правда, в некотором беспорядке и даже в небрежении, но вполне работоспособное. Неплохо, черт возьми, совсем неплохо для придурков! Интересно, много их тут еще?

– Майлс, Майлс! – пробормотал я в воротник спецжилета. – Давай сюда джип!

Увлеченный разглядыванием в трофейный бинокль долины и макового поля Джилли Эванс неодобрительно покачал головой: эта часть плана казалась ему сомнительной с самого начала. Джилли полагал глупым ехать на джипе к лаборатории – полкилометра в объезд маков, по совершенно открытой местности, не зная, какие меры предосторожности и какая система опознавательных знаков предусмотрены у бандитов, короче – откровенно, с его точки зрения, подставляясь под выстрел. Даже несмотря на то, что фланги уже в руках Вильямса и Робсона – они доложили о готовности через минуту после того, как мы захватили главный форпост.

Но Джилли не знал всего.

Весь план во всей его первозданной красотище был известен только мне.

И самое сложное в нем было – отделаться от Джилли.

В Джилли Эвансе и в его несгибаемой воле к победе и заключалось самое уязвимое место. Ибо вся практика моей служебной деятельности показывала, до какой степени достойный сотрудник полиции не любил оставлять меня на произвол судьбины лютот.

Когда Майлс на моем командирском джипе со всей возможной осторожностью подъехал к захваченному редуту, на поле и в его окрестностях царило прежнее спокойствие. К этому времени я уже наметил безболезненный объезд холмика – с выходом на дорогу к лабо-

ратории: в меру раздолбанную, извилистую, там и сям поросшую травкой, ибо колеса машин баловали ее не так часто. Но как поступить с Джилли – еще не придумал.

– Итак, шеф, – Майлс сгорал от нетерпения, огонь предвкушения битвы вольготно гулял по его организму, будоража кровь и прочие жизненно важные жидкости. «Томпсон» прямо-таки прыгал у сержанта в руках. – Итак, шеф, вперед?

– Вперед, сержант, вперед... – Я отер пот и украдкой глянул на ничего не подозревающего Эванса. – Вы, Майлс, остаетесь здесь и надежно прикрываете наши тылы. Для чего у вас тут полно пулеметов. – Майлс взглянул на пулеметы с презрением и огладил приклад «Томпсона». – Словом, чтобы муха не просочилась. – Я склонился к воротнику. – Робсон, Вильямс, вертолеты! Внимание! – Судорожно оглядел машину: времени практически не оставалось.

Что делать? Как быть?

Решение пришло само собой.

– Готовность номер один!

Джилли плюхнулся на соседнее сидение и изготовил свой «хеклер» к бою, щелкнул предохранителем.

– Пошел! Пошел! Пошел! – И я взревел мотором.

Где-то сзади в небо поднялись «Хью-Кобры».

Джип изрядно трясло и болтало, но несмотря на ухабы и рытвины, мы легко выскочили на дорогу, попали в колею и, вздымая пыль, понеслись, вихляя и подскакивая, к цели – баракообразному приземистому сооружению, у которого уже забегали, засуетились смутно различимые на таком расстоянии мелкие фигурки. Слева и справа зарычали машины фланговых отрядов.

Из ближайших зарослей мака высунулся отвратный черный тип и выпалил в нас с Джилли из двустволки, но конечно же промазал, остолоп, и Джилли, привстав, уложил его одним красивым выстрелом.

Воспользовавшись случаем, я дернул за рычаг его сидения, и ничего не подозревавший сержант покинул авто на всем скаку вместе с креслом – лишь мелькнуло огромное тело, на глазах группирующееся в полете: «Ше-е-е-еф!!!» – но я уже несея дальше в долгожданном одиночестве, крутя руль одной рукой и паля во все стороны из «беретты», зажатой в другой. Вряд ли я в кого попал, но выглядело мое наступление ужасно эффектно. По крайней мере, повод говорить, что Дэдлиб окончательно свихнулся, теперь был у многих.

Оставалась самая малость, и, вогнав пистолет в подмышечную кобуру, я рывком перетянул к себе неприметный серый мешок, болтавшийся среди всяких полезных вещей сзади, пристроил его между ног и ухватился за руль обеими руками. И если все произойдет так, как я и подозревал...

И – произошло.

Коварный Патрик не подвел, лживый Сакстон оправдал надежды: кустики слева по курсу вдруг плавно отъехали в сторону и прямо на меня уставилась среднего калибра пушечка – хорошая такая пушечка, красивая, ухоженная, и рядом два человечка усиленно суетятся, а в ухо орет срывающийся голос Джилли: «Осторожно, шеф!!!» и что-то кричат еще другие мои старые соратники, но все это мелочи, потому что я упорно несусь прямо на выстрел, будто потерявший последнее соображение камикадзе, внимательно – еще бы! – слежу за движениями расчета и в тот самый момент, когда пушечка стреляет, подхватываю универсальный армейский рюкзак с полезным содержимым и лечу кубарем в заросли мака; и тут же мой джип превращается в красивый огненный цветок, и совсем рядом злобными пчелами жужжат разнообразные осколки, рубят мак, вспахивают землю, а меня настигает волна грохота...

Вот так я героически погиб.

Хороший план, правда?

3

Когда однажды я давал интервью – а это, увы, случается со мной не так часто: я даю интервью не каждый день, отнюдь нет, мои интервью можно пересчитать по пальцам одной руки, и не скажу, что мне такое положение вещей кажется нормальным, ибо я дико интересный собеседник, а уж коли правильно задать вопрос, то могу такое выдать, такое! не одна сенсация и даже не два десятка, а больше, несоизмеримо больше взбаламутят умы броскими заголовками на первых полосах газет и журналов, ведь мне есть что порассказать, да-да! – так вот, когда я в последний раз давал интервью, Роб Чаплин, ведущий вечерних новостей канала «АТТ» спросил меня, как бы между прочим этак спросил, они это умеют, журналюги, – а вот, спросил Роб, скажите, господин Дэдлиб, вы действительно верите в демократию, которая якобы царит в Тумпстауне и ок(рестностях), или поддерживаете этот миф по долгу службы?

Нет, каково, а?

Поскольку вокруг нас с Робом вертелся тип с камерой и все это снимал, я не мог попросту дать ведущему в лоб или там в коленную чашечку (что действует еще лучше), а напротив – был вынужден продолжать улыбаться, хотя, верно, кому-то из самых искушенных зрителей и была заметна искусственность моей улыбки, – однако отвечать было надо, и я решительно заявил (и даже взмахнул рукой для убедительности), что если где и царит демократия, так это именно в Тумпстауне, ибо что есть демократия как не процветание большинства при твердой государственной власти (то есть меньшинстве, добровольно несущем ответственность за большинство), каковая дарит народу все новые и новые свободы, тем самым непрерывно указанную выше демократию и развивая?

В ответ на это Роб пустился в рассуждения об исконном значении слова «демократия», принялся возводить его смысл к греческим корням и толковать о народе, но я моментально пресек эти малодушные, достойные лишь лживых рахиминистов попытки. Пристально глядя в глаза Робу, отчего он почему-то засмутился, я сказал: давайте не будем, мистер Чаплин, давайте не будем. Не позорьте фамилию. Есть люди, которые разговаривают, а есть – которые делают. История движется вторыми и талантливо, пост – извините – фуктум комментируется первыми. Откройте хотя бы «Большую тумпстаунскую энциклопедию», практически на любой странице откройте, и вы тут же убедитесь в справедливости моих слов: сплошное обсуждение поступков тех, кто без лишних разговоров мог и умел действовать вовремя. Да вы это и без меня знаете, не так ли? Так вот, совершенно очевидно, что вторые – то есть те, кто совершает поступки, – взваливают на свои несовершенные, но крепкие плечи ответственность, несоизмеримо большую в сравнении с первыми, которые только и могут, что спустя время обсудить произошедшее и в промежутках между кружками пива сделать глобальные выводы вселенского значения. И им всегда виднее, как надо было поступить, какое решение следовало принять и какие действия – правильные. Но вот эти самые вторые – они-то как раз и есть первые, ибо от их человеческих качеств зависит та самая демократия, о которой мы с вами, мистер Чаплин, так долго и очаровательно беседуем и которой буквально каждый день наслаждаемся, а вы эдак вскользь, между прочим, назвали ее мифом. Улавливаете мою мысль? Не запутались в стройных логических построениях?..

К чему я это все рассказываю?

А к тому, что однажды утром во мне вызрело твердое убеждение, что уже пора немного пожить своим умом. Тем более, что уж чего-чего, а ума у меня полно – хватало же мне сообразительности долгие годы не лезть туда, куда не просят, и выполнять расплывчатые указания государственно мыслящего начальства, то есть господина шерифа, на забивая голову разной ерундой вроде глубоких размышлений! Всяк сверчок знай свой шесток – тем более

при демократии – но что делать, коли ты однажды проснулся с совершенно ясным ощущением, что буквально вчера этот самый шесток ты перерос – перерос окончательно и бесповоротно? Тут могут быть варианты: от кардинальной смены образа жизни и занятий (вот Люлю Шоколадка вдруг не на шутку увлекся компьютерами, так что забросил прочие дела, подался в глубинку Сартри и теперь в весьма удаленной и дикой хижине стучит по нескольким клавиатурам сразу; мне, кстати, недавно пришло письмо с десятком печатей на волосатых веревочках – от короля Мандухая, вестимо, – где монарх высказывал пожелание, чтобы я поскорее вернулся к исполнению своих важных обязанностей по охране трона и конкретно его драгоценной особы; подзапустил Люлю дела, подзапустил! все надо делать самому!) – до расширения уже имеющегося поля деятельности, но на качественно ином уровне.

Ну опыт Люлю – он не совсем для меня, потому что бравый Шоколадка всю жизнь делал, что хотел, ничем себя не стесняя и уж тем более не обременяя свою тонкую натуру какой-либо службой, особенно службой государственной. А если ему надоедало то, что он делает, Люлю мигом находил себе новое занятие, храня, впрочем, неизменную верность ножам. Я – не таков: каждый раз, когда шаловливая судьба разлучала меня с ненаглядными моими подопечными (бандитами и прочими правонарушителями), а случалось это, скажем прямо, редко, мне очень быстро становилось неуютно. Однажды я даже сбежал из отпуска на две недели раньше – до того захотелось врезать в морду какой-нибудь бандитской сволочи.

Так что – сами понимаете. А не понимаете – ваши проблемы.

Но именно поэтому я так героически погиб.

Для особо непонятливых поясню дополнительно: господин шериф не санкционировал, конечно же, моей смелой экспедиции на опиумные поля. То есть мы об этом разговаривали, и г. Дройт высказал неопределенное пожелание похватать бандитскую сволочь без особенных разрушений и шума (в иных обстоятельствах я бы даже рискнул подумать, что он хочет сохранить все это героиновое производство по возможности нетронутым для себя), но сегодня операция совершенно не планировалась. Сегодня планировались множественные допросы захваченных рахиминистических активистов с целью выбивания информации и дальнейшего ее анализа. А уж потом, когда все будет основательно разведано и откроется истинная правда про «где у них, как и что» – вот тогда уже можно подъехать и разобраться на месте. Господин шериф, мне показалось, даже собрался лично принять участие в грядущем великом походе.

Но – г. Дройт предполагает, а я в данном случае – уж извините! – располагаю. Потому что меня внезапно пробило пожить своей головой. Непривычное ощущение, что и говорить, но весь мой измученный накопившимися в последнее время непонятками организм призывал меня именно к этому: тайно, никому ничего не говоря и никого о своих намерениях не извещая, но напротив – стараясь, чтобы даже случайный комар носа не сумел никак подточить, уйти в подполье и там, незримо, маневрировать до тех пор, покуда разрозненные кончики не сойдутся в пучок крепкой, недвусмысленной уверенности, а уж она-то даст мне комплексное и глубинное понимание того, что же в конце концов происходит в окружающем прекрасном мире. Потому что: все эти бегающие туда и сюда роботы-двойники разной степени совершенства; ведущие черт знает куда и невесть когда и как появившиеся подземные тоннели, где шныряют цельные поезда; все эти боевые механизмы, стоящие уйму денег и требующие довольно высокого технологического уровня развития общества; все эти Вайперы-Зухи с их совершенно нечеловеческой логикой поведения и боевые действия в Клокарде – одним словом, все эти кошки-мышки настолько взяли меня за живое и я почувствовал, что не могу больше ждать скупых и туманных разъяснений господина шерифа, а должен разобраться во всем сам, лично, на месте. И так – чтобы никто не мешал. И поскольку технические возможности неведомого врага подчас поражали не только мое воображение, лучше всего не делиться планами ни с кем – даже с моей боевой подругой Лизеттой Энмайстер.

Проще всего неожиданно погибнуть – причем так, чтобы на то не было санкции руководства, но зато была куча неоспоримых свидетелей: инспектор Дэдлиб умер, его больше с нами нет, а осталась кучка разрозненных фрагментов, по которым меня практически невозможно опознать. (Фрагменты, вестимо, были приготовлены заранее и ждали своего выхода в сером мешке.)

...Начнут меня горестно оплакивать, соскоблят мои фрагменты с грунта и прочих поверхностей, сложат в маленький ящичек или даже, может, в коробочку, соберут все управление полиции, г. Дройт толкнет прочувственную речь, моя без пяти минут вдова проследит на узкой груди сдерживающего рыдания Юллиуса Тальберга, а Люлю – великолепный Люлю! – будет в первобытной злобе сжимать кулаки и цедить сквозь крепко сжатые губы: Сэм, мы отомстим за тебя, Сэм... Мне, возможно, даже орден за заслуги перед Отечеством дадут. Посмертно. Потом маленький ящичек или, может, коробочка отправится в зев печи крематория, а в вестибюле управления вывешат мой цветной портрет в траурной рамочке. Быть может, моим именем даже назовут улицу в Тумпстауне!..

Скотина я все-таки бесчувственная.

Лизи меня точно убьет, когда я неожиданно воскресну.

Но разве не талантливо придумано?

4

Замечательный «стэтсон» с дырочками и умилительно прекрасные сапожки из крокодильей кожи!.. Всю жизнь мечтал вот так, по-простому, как в старое доброе время, пройтись в «стэтсоне», в линялых, подшитых в паху кожей джинсах с бахромой по низу штанин, в жилетке с одной пуговицей, да и той выше петли на два дюйма чем нужно – и справа «кольт», и слева «кольт»... (Ах нет, прошу прощения, все же справа – «беретта», а слева – ну очень крупнокалиберный револьвер системы «слон».) И дождался наконец момента счастья – вот он я, ковбой-красавец, каких можно увидеть только лишь на окраинных землях Тумпстауна, вроде владений Жана-Жака Леклера, да еще на разного рода сельскохозяйственных фестивалях, коими иногда радуют себя жители нашего замечательного городка и его (ок)рестностей – а делать себе приятное, как известно, они любят и умеют. Подобный фестиваль обычно всегда бывает отмечен каким-либо происшествием (и не одним; во многих я принимал участие по долгу службы): то кого-нибудь случайно утопят в бочке с вином – «да он сам туда свалился, а еще говорил, что мы, Джонсоны, в вине ничего не понимаем!»; то выйдет ссора из-за того, кто на самом деле победил в соревнованиях по плевкам в длину или в каком-нибудь другом, не менее достойном виде спорта (и здесь всегда бывают разные мнения, подкрепленные солидными аргументами); то у добрых фермеров почему-то разбежится по городу стадо племенных коз, и все, включая полицию, их ловят («здесь козел не пробегал?» – «да-да, именно козел, вон туда он побежал, вон туда!.. Смотри-ка, Билл, а он поверил!»); а однажды – опять же совершенно случайно – сгорело деревянное здание цирка братьев Хапстонов, и никто не мог вразумительно объяснить, как в цирк попали три бочки керосина и отчего этот керосин вдруг загорелся... Фестивали собирают массу народа, горожане радуются коллегам из сельской местности, а ковбои и прочие фермеры в свою очередь не прочь взглянуть свысока на «городских придурков, которые и земли-то не нюхали», но обычно к одиннадцати вечера все противоречия между городом и деревней сами собой исчезают, и множество глоток уже орет общую песню с разными словами и очень сложным мотивом, совершенно не смущаясь присутствием племенного скота со свойственными ему запахами и привычками. А позже, на горе живущим поблизости домохозяйкам, выясняется например, что ночь – самое подходящее время для стрельбы на деньги по освободившейся в результате фестиваля стеклотаре или для иных, весьма поучительных и содержательных занятий. Словом, бывает очень весело. Почти как в Клокарде.

А! Клокард!

Как много в этом слове!..

Если вы равнодушны к старине-матушке и мыслями живете в славном прошлом, если вы хотите прочувствовать правду жизни до самых печенок, если вы устали от городской суеты, автомобилей и соблюдения прав человека – немедленно поезжайте в Клокард. Здесь в баре вам не нальют выпить, если на вас нет ковбойских сапог, соответствующей шляпы и пушки на боку; тут вам живо дадут в морду, если вы не учтивы с дамами; а разногласия между джентльменами в Клокарде решаются на ближайшей улице посредством того, кто быстрее достанет и выстрелит; и уж если в кабаке вдруг начинается общая потасовка, то тех, кто не принимает в ней участия, специальные люди безо всяких дополнительных разговоров выкидывают прочь, напутствуя пинками. Словом – рай.

Нужно сказать, что город Клокард естественным образом – рекой – делится на две части. Правобережная часть – деловая, возникающая и выстроенная уже на моей памяти – это Сити: банки, конторы, фешенебельные отели, небоскребы, асфальт, воняющие бензином машины, суета, то есть все прелести обычной цивилизации плюс почему-то довольно обширный китайский рынок, который так кстати разогнали ребята Пита Моркана во главе

с Гербертом Прайком, когда громили билдинг «И Пэна». Эту часть города никто иначе как Сити и не зовет, в том числе и ее коренные обитатели. Но не о ней я веду свои изысканные речи.

Потому что есть еще левобережная часть – собственно Клокард. Привольно раскинувшийся вдоль реки массив – по большей части до сих пор деревянный – из основательных, помнящих еще варварские войны домов с черепичными крышами и не выше трех этажей, с узкими, мощенными брусчаткой улицами, над которыми протянулись переходы, соединяющие галереи вторых этажей домов. На левом берегу полно заведений под названием «Saloon», и перед ними в креслах-качалках, попыхивая сигарами, предаются полезному послеобеденному отдохновению заслуженные ветераны правильного образа «жизни с виски», и если вы при них заикнетесь про Сити, то в лучшем случае удостоитесь презрительного, длинного, как змея плевка, под ноги. У коновязей лениво машут хвостами brave ковбойские жеребцы и не дай вам Бог приехать сюда на машине, позору не оберетесь! Но вот вы наконец спрыгнули со своего горячего скакуна – шустрые местные мальчишки всего за один серебряный доллар в момент проводят вас в «лучшую-наилучшую» гостиницу в городе – с ванной в виде лохани, куда горячую воду таскают с первого этажа кувшинами смешливые девушки в платьях до самого пола. А вашего злобно косящего бешеным оком коня – Сполоха, Росинанта или там Гнедка – отведут в конюшню, обиходят, вычистят и зададут ему отборного овса.

Вот это и есть самый что ни на есть правильный Клокард – город, который наравне с Винздором и Тумпстауном активно противостоял варварским немытым ордам и где с тех пор, время, кажется, практически не сдвинулось вперед, поэтому если ночью вы вдруг проснетесь от выстрелов, не пугайтесь: это очередная парочка джентльменов при свидетелях выясняет, у кого из них длиннее.

(Сознаюсь: когда я, итожа, так сказать, прожитое, обдумываю туманное, но безусловно светлое будущее, то рядом с образом благоустроенной вилочки у океана, на крыльце которого, любуясь на закат, мы с Лизи когда-нибудь будем сидеть, нет-нет да и возникнет картинка с добротным двухэтажным клокардским домиком – и чтоб обязательно «Saloon» через дорогу. Сказать честно, я так и не решил, чему же отдать предпочтение. Может, все же учесть мнение Лиззи?)

И вот я шел по простой клокардской улице – простой же клокардский парень – и дивное лицо мое фиг бы кто из знакомых сейчас опознал: на мне выросли усы, короткие и черные, а еще я стал носить очки с оконными стеклами и контактные линзы, изменяющие цвет глаз, ну и все такое прочее – специальная пленка-маска была на рожу мою натянута, в результате чего подбородок несколько удлинился и приобрел несвойственную ему ямочку, скулы немного расширились, а цвет кожи сделался приятно бронзовым, как у настоящего индейца. Индейцев в Клокарде любят. Главным образом потому, что их там нет.

Это все от того, что я хорошо подготовился к смерти, и в сумку сложил много чего полезного. Сама сумка, путем перестегивания ремней превращенная в рюкзак, приятно отягощала мои плечи, и единственное, чего мне не хватало, – так это косящего яростным глазом боевого жеребца в поводу, но я надеялся как-нибудь выкрутиться или – в крайнем случае – прикупить лошадь в ближайшей конюшне, хотя я лошадей не люблю: они ржут, от них навоз, и вообще...

В Клокарде я бывал неоднократно и прилично знал центральную часть города – вот и сейчас я неторопливо и уверенно вышагивал, цокая подковками о брусчатку, по Хичхайкерс-стрит, одной из самых широких (и потому считавшейся центральной) улиц, на которой раньше помимо всего прочего помещался дивный пивной бар под названием «Пауланер».

Пройдя мимо трехэтажного здания «Бэнк оф Клокард», я аккуратно обошел жилистого белокурого джентльмена в короткой кожаной жилетке на голое тело и в неизменной шляпе:

джентльмен развлекался метанием ножей в прислоненный к стенке дома на противоположной стороне улицы гроб; заметив мой интерес, он быстро, почти незаметно мне подмигнул и вернулся к своему увлекательному занятию. Наблюдавшие за мельканием ножей и по мере необходимости приносившие их обратно мальчишки при виде меня дернулись было, но тут же разочарованно вернулись на место – или от меня не исходил одуряющий аромат лишнего серебряного доллара, или они, что более вероятно, приняли меня за местного; и то, и другое было мне на руку, ибо привлекать к себе лишнее внимание я пока не собирался.

Славно – «Пауланер» оказался там, где и должен был стоять: Хичхайкерс, сорок семь. Я замедлил шаги, скинул сумку, перехватил ее в руку и неторопливо поднялся по пяти широким, унавоженным временем и бесчисленными подметками ступенькам.

На галерее у входа сидели пятеро пожилых господ самого умудренного жизненным опытом вида: их сигары дымились, а пивные кружки в руках исходили каплями приятной прохлады. При моем появлении господа прервали неспешную беседу и доброжелательно на меня уставились.

– Добрый день, джентльмены. – Я учтиво коснулся полей шляпы, слегка кивнул, принял ответные кивки и прошел мимо – в сумрачные, наполненные гвалтом и табачным дымом недра старинной пивной.

Здесь все было по-прежнему: широкие исцарапанные столы и вековые скамьи рядом с ними, а у противоположной от входа стены – обширная стойка с пятью кранами, из которых производился налив живительных жидкостей, с пирамидой чистых литровых кружек и целым выводком высоких табуреток.

Когда-то «Пауланер» в Клокарде держал Зигфрид Штайнер по прозвищу «Хальт», розовощекий, плотный, но на редкость проворный баварец, обыкновенно, правда, спокойный до флегмы. Еще он удивительным образом удерживал непременный «стэтсон» – далеко на лысом затылке. Зигфрид повышал голос только в тех случаях, когда чинился урон стойке с кружками, и именно тогда изрыгал «хальт!» – подобное случалось редко, можно сказать, вообще не случалось, но если Штайнер все же рывкал, успокаивались даже самые отъявленные буяны: всем было ведомо, что последует за этим «хальтом» для тех, кто не внял, ибо бравый Зигфрид держал под стойкой пистолет-пулемет «калико» с магазином на сто патронов и безо всяких раздумий пускал его в ход со скоростью семьсот пятьдесят выстрелов в минуту. Магическое слово «хальт» было намертво усвоено клокардцами после пары эпизодов, в ходе которых огневая струя из «калико» практически разрезала пополам троих особо ретивых, чуждых иностранным языкам посетителей.

Я был немного знаком с Зигфридом и сейчас испытал некоторое облегчение, не увидев его за стойкой: там трудился молодой человек, неуловимо на «Хальта» Штайнера похожий, – но выше, шире в плечах и в шляпе, надетой как обычно.

Протолкнувшись сквозь шумную, пеструю толпу, – день клонился к закату и пивная была полна, – я углядел освободившийся табурет и, ввинтившись между двумя пузатыми господами, ловко оседлал его.

– Сэр, – не прерывая наливания, коснулся шляпы бармен и глянул на меня одним глазом. – Что для вас, сэр? – Бухнул на стойку целых шесть литровых кружек, ловко принял деньги и звякнул кассой. – Я весь внимание.

Я раздумчиво оглядел краны. Ближе всего оказался источник «Пауланера непроцеженного» и это было прекрасно. Прекрасно!

– Вот его.

Бармен кивнул и принялся по всем правилам высокого искусства наполнять литровую кружку. Вскоре сосуд, на глазах запотевая, занял место на круглой картоночке, на которой бармен быстренько поставил галочку невесть откуда взявшейся ручкой, после чего послал всю конструкцию вдоль по стойке – ко мне.

Я отрицательно покачал головой.

– Айн маль ист кайн маль, – сообщил я бармену. – Поэтому будьте так любезны сразу цвай маль и бросьте в каждый маль по дольке лимона.

Сказать, что я тут же подружился с барменом, – значит, ничего не сказать.

5

Определенно, в положении погибшего геройской смертью есть масса плюсов. В метрополии, например, нет разливного «Пауланера», только бутылочный. Мне могут возразить, что «Пауланер» – пиво на любителя, тем более с лимоном, и я соглашусь: с чем тут, собственно, спорить? Кто-то любит «Хольстен», кто-то – текилу, а кому-то и свиной хрящик – дар небес. И если я прикипел сердцем к японским сортам вроде «Саппоро» или «Асахи», то это, поверьте, не от хорошей жизни – тем более что пить все время приходится из горлышка и часто на бегу – но от крайней загруженности трудами на благо общества и во имя демократии. Меня можно и даже нужно пожалеть. А испытывающий непреодолимое желание хорошо отдохнуть человек – тем более человек понимающий, каковым я, вне всяких сомнений, и являюсь, – идет в пивную, где наливают живое пиво; тут уж каждому – свое, а мне – «Пауланер».

Иными словами, остаток дня я провел на табуретке у стойки.

После требования лимона в пиво бармен полюбил меня как родного, то есть выставил мне еще айн маль за счет заведения, сообщил, что его зовут Вальтер Штайнер; что он – сын своего отца, а папа в отъезде (тут я возблагодарил небо); что дела идут прекрасно, несмотря на те происшествия в Сити, ну слышали, наверное, когда там небоскреб взорвали и кого-то давили танками; что завтра в полдень известный дуболом Гарри Янкерс стреляется насмерть перед его пивной с каким-то Цуцулькевичем, и дело тут темное, но шериф все равно будет присутствовать, чтоб все по-честному; что праздник по случаю второго урожая кукурузы перенесен на следующий четверг... а вы вообще надолго к нам? а то я же вижу – приезжий.

Я не стал таиться от бесхитростного Вальтера и воздал должное его немецкой проницательности; в ответ Штайнер-младший тут же предложил мне остановиться у него: на втором этаже как раз освободилась комната – съехал один постоянный жилец, и налил нам еще по кружечке, опять же за счет заведения. Не желая оставаться в слишком большом долгу у этого замечательного господина, я тут же выставил цвай маль за свой счет и угостил Штайнера леклеровской сигарой, после чего Вальтер, видя, что, разрываясь между хорошим человеком и долгом бармена, с долгом может не совладать, призвал на помощь вертлявую худющую девицу, одетую по всем канонам местной моды (в глубоком вырезе ее шикарного платья, несмотря на все старания, груди не было видно вовсе, видимо, по причине отсутствия, а лишь болтался серебряный крестик на витой цепочке) – и прочно обосновался напротив меня. Появление девицы было встречено приветственными криками; выяснилось, что имя ей Бритта, что она младшая сестра Вальтера и наливает пиво чуть ли не быстрее самого Штайнера-младшего.

Словом, вечер прошел прекрасно.

Выпитые кружки я перестал считать после пятой – то ли сбился, то ли просто устал, ведь не каждый день героически погибаешь от пушки, да и Вальтер позабыл ставить на подставке свои отметки; так что в результате я авансировал его двумя сотнями долларов за пиво, комнату, а также все, что понадобится впредь, и, сопровождаемый писклявоголосой, весь вечер кидавшей на меня исполненные значения взгляды Бриттой, направил неверные стопы по скрипучей лестнице на второй этаж, в отведенный мне номер. Краешком сознания я понимал, что у двери надо будет как-то тактично отделаться от сопровождавшей, чересчур длинный нос которой не вызывал у меня никаких эмоций, – причем отделаться так, чтобы не обидеть ни саму девицу Штайнер, ни ее старшего брата; но все вышло как нельзя лучше: после того, как я переступил порог вновь обретенного прибежища, Бритта испарилась сама, пожелав мне спать хорошо и крепко. В ее напутствиях я, собственно, уже не нуждался, так

как начал спать буквально на подступах к широченной мягкой кровати, и меняхватило лишь на то, чтобы скинуть сапоги.

(Я замечаю, что в последнее время как-то ослабел. Раньше, бывало, мог пить практически что угодно в огромных количествах, а нынче меня срубает какие-то... э-э-э... семь? восемь? а черт его разберет, сколько там его было! – литров пива. Неужели старость?! Как это неожиданно, печально и по-предательски – если дела обстоят действительно так!)

...Утро наступило как всегда внезапно: где-то рядом зацокали копытами лошади, забурили глухо голоса этажом ниже, прямо в ухо заорала какая-то птица – я открыл глаза и огляделся.

Жизнерадостные лучи солнца свободно проникали в окно: по случаю жары были открыты не только тяжелые ставни, но и обе створки – нараспашку; на подоконнике обуютились две некрупные в общем-то пичуги и с оживлением обсуждали свои важные птичьи проблемы, совсем не считаясь с тем, что буквально в полутора метрах от них тяжелым пивным сном спит и не видит снов стойкий работник правопорядка, глубоко погрузившийся в подполье.

Чертовы птицы!

Лошади, впрочем, тоже не лучше: шляются с утра пораньше туда и сюда по этой гадской брусчатке и цокают, цокают, цокают! Нет бы спокойно стоять в конюшне и жрать свой овес, – как же! у них утренний моцион, видите ли! Они прогуливаются. Иногда я всей душой ненавижу лошадей.

И местные жители ничем не лучше – им что не спится? Зачем они так рано вскакивают и начинают есть, пить, разговаривать и ездить на этих поганных лошадях? Звенеть шпорами, топать, ронять на пол что-то тяжелое и пушечно смеяться?

Дикие люди обитают в Клокарде! Никакой демократии.

Ах да! Ну конечно.

Сегодня же должна состояться смертельная дуэль с возможным летальным исходом – Вальтер что-то говорил про полдень... Вот черт! Сколько же там? Уже половина двенадцатого! Еще бы было тихо: небось, зрители уже собираются. Весь город попятиться пришел.

Чем я хуже?

Я быстренько скатился с кровати, прошлепал босиком через всю комнату к двери, где на стене висело старое овальное зеркало, и принялся созерцать себя, любимого.

Ну что же... Спецнабор «Фантомас» прекрасно справился с испытаниями в сложных полевых условиях: моя бронзовокожая рожа практически не повредилась во время беспробудного сна. Все на месте – и кустистые брови, и усы, и контактные линзы, и маска ничуть не сдвинулась... Вот только немного съехала эта дурацкая, прилепленная на шею микросхема, призванная менять тембр голоса с настоящего на приятный. Небольшая конструктивная недоработка, и мы это потребуем устранить. Позднее. Когда вернемся к легальной жизни.

Я привел себя в порядок и даже почистил зубы – настоящие, собственные, а не те вставные вампирские клыки, которые были предусмотрены стандартным комплектом «Фантомаса», – натянул сапоги и, проверив оружие, двинулся вниз по лестнице, томно обмахиваясь шляпой.

В общем зале пивной было многолюдно, но далеко не все из собравшихся пили пиво – большинство, обмениваясь приветствиями и дежурными репликами, столпилось у окон и выхода, явно ожидая появления главных фигурантов предстоящего дуэльного действия. В углу, за маленьким специальным столиком толстый очкарик в развесистой шляпе потел, принимая ставки.

– Доброе утро, сэр! – улыбнулся мне Штайнер-младший, свежий как огурчик (будто это не он пытался вчера на сон грядущий исполнить для меня баварскую народную песню,

но все время забывал слова! хорошая все же у сына своего отца печень...). И хотя вчера Вальтер называл меня запросто «Люк», утром он снова надел маску природной учтивости. – Как спалось, сэр? Не желаете ли яичницу с беконом?

Яичницу я желал, даже очень, и в ожидании трапезы взгромоздился на вчерашнюю, уже освоенную и прирученную табуретку.

– Стреляться будут? – кивнул я на собравшуюся толпу.

– Точно, сэр, – подтвердил Вальтер, споро наливая пива ярко выраженному ковбою в длинном, несмотря на жару, плаще. – Уже скоро.

– А из-за чего все вышло?

– Трудно сказать, сэр. – Штайнер выдал жаждущему кружку и придвинулся ко мне. Добавил тихо. – Поговаривают, у них возникли разногласия на почве электроники. – На последнем слове Вальтер слегка поморщился. – Если раньше люди стрелялись по существенным поводам, то нынче дерутся из-за всякой ерунды!

– Не скажите, сэр! – Я принял громадную тарелку с глазуньей и пятью крупными ломтиками жареного бекона, посыпанными кари. – Электроника – это важно. Она прочно вошла в жизнь и уже стала существенной ее частью. Так что если кто-то не сошелся во взглядах на диаметр сечения каких-нибудь там проводов, то в наши дни это вполне достойный повод, дабы обнажить стволы. Вы меня понимаете?

Вальтер неопределенно хмыкнул и отошел к очередному клиенту.

...Едва я покончил с последним куском бекона, как на улице послышались крики, которые Штайнер-младший прокомментировал кратко: «Шериф приехал!»

Шериф действительно уже стоял напротив входа в «Пауланер», рядом с одноместной, запряженной белой лошадью коляской: квадратный джентльмен в длинном черном сюртуке, украшенном справа шестилучевой, сверкавшей на солнце звездой – символом полномочий, в белейшей жилетке, в сложно завязанном шейном платке приятного кремового цвета и в черной шляпе с высокой тульей. Лицо у шерифа было трудное – кусок веками обдувавшегося свирепыми ветрами красного гранита, со всеми сопутствующими этой горной породе пятнами и прожилками, а также тремя узкими щелями: одна подлиннее – практически безгубый рот и над ним белые пшеничные, агрессивно топорщащиеся усы, и две покороче и пошире – в них сверкали черными бусинами, цепко озирая внешний мир, маленькие живые глазки, прикрытые сверху мохнатыми, тоже пшеничными бровями.

С тех пор, как я его видел, шериф постарел.

Вместе с прочими посетителями я вышел из пивной и пристроился сбоку от коновязи: отсюда открывался неплохой обзор, а нависающий козырек давал убежище от палящих лучей полуденного солнца.

Вдоль домов с обеих сторон улицы равномерно распределились переговаривающиеся зеваки обоего пола, а в середине – метрах в пятидесяти друг от друга – застыли дуэлянты. Здоровый, грубого вида мужик в потрепанных, заправленных в сапоги джинсах, ковбойке, несвежем, кое-как повязанном шейном платке и с небритой три дня минимум рожей (круглый блин с бесформенным носом картошкой), по которой не съездил бы от души только очень ленивый, скалился отвратительной улыбкой пожирателя младенцев, а налитые кровью глаза так и впивались в застывшего напротив соперника. Правая рука нетерпеливо подрагивала рядом с «магнумом» на боку – единственной вещью, к которой владелец относился бережно и даже с любовью. Типичный Гарри Янкерс.

Проследив его взгляд, я с удивлением обнаружил, что стреляется Гарри совсем даже с женщиной. То есть «какой-то Цуцулькевич» оказался дамой примерно моего – если меня не подводит зрение, а уж опыт по этой части у меня богатейший, можете поверить! – возраста, невысокого росточка, светловолосой – непослушные пряди выбивались из-под широкополой шляпы – миловидной и даже, возможно, красивой, если бы не блаженная, благодатная

улыбка (которую другой, поспешный на выводы человек, назвал бы, быть может, идиотической) и не аура глубокой доброжелательности к окружающему миру во всех его проявлениях, ощутимо окружавшая дамочку, и если эта аура не была видна простым глазом, так только потому, что являлась, вне сомнения, весьма тонкой материей.

И вот это хрупкое – разглядеть подробности мешало расшитое несусветными индейскими орнаментами пончо – совершенно не от мира сего существо спокойно и даже расслабленно стояло себе посреди пыльной улицы, напротив монстра с хорошо вычищенным «магнумом» и мирно ждало, когда его застрелят!

Я огляделся: зрители вполголоса обсуждали противников, не позволяя себе однако же ничего лишнего, и спокойно ждали развязки кровавой драмы, что вот-вот начнется на их глазах. Ни на одном лице я не заметил даже признаков возмущения происходящим! Удивительно. Потому что в метрополии уже нашлось бы полтора десятка человек, безо всяких разговоров заменивших бы собой приготовившуюся биться на дуэли даму, даже против ее воли. И я, наплевав в душе на зарок не привлекать внимания, уже совсем изготовился было выйти на огневой рубеж, как прямо над ухом прозвучал вкрадчивый голос:

– Не желаете сделать ставку?

Живо обернувшись, я обнаружил сзади давешнего толстяка; от него остро пахло потом и чесноком; в руках пузан держал пачку мятых долларов и книжку отрывных билетиков.

– Сэр? – Толстяк сладко улыбнулся и поправил сосиской пальца очки на влажном носу.

– Да, пожалуй... – протянул я, усилием воли возвращаясь к действительности. – Двадцатку на даму.

– О, сэр! – Хилые брови очкарика изумленно поползли вверх. – Это ваше дело, сэр, но... Вы уверены?

– Совершенно! – кивнул я и оскалился. – Абсолютно. Люк Аттертон всегда уверен в том, что делает. Ну так что, вы принимаете ставку или как?

Толстяк сочувственно вздохнул и посмотрел на меня как на душевнобольного, а одного этого в Клокарде было достаточно, чтобы вызвать наглеца прогуляться к барьеру или вообще без разговоров закопать позади конюшни; но я списал недостойное поведение местного букмекера на охватившее его волнение. К тому же я не заметил у толстяка ни пистолета, ни револьвера: непонятно, как его вообще пускают в приличные места? Быть может, он вообще не джентльмен?!

Расставшись с двадцаткой и сунув билетик с нацарапанными на нем цифрами в жилетный карман, я повернулся к дуэлянтам и – вовремя: шериф как раз неторопливо извлек из кармана серебряные часы, щелкнул крышкой, взглянул на циферблат и поднял вверх правую руку.

Монстр по фамилии Янкерс напрягся и слегка согнул расставленные на ширину плеч ножищи, все так же пожирая соперницу взглядом; Цуцулькевич же беспечно откинула за плечо край пончо: стал виден широкий ремень, перетягивающий тонкую талию, и большая кобура на нем – не на боку, а немного левее пупка. Из кобуры торчала смутно знакомая массивная рукоять.

На расположенной неподалеку городской ратуше часы ударили первый раз.

Все замолчали и тоже напряглись – все, кроме Цуцулькевич: дамочка продолжала стоять все в той же расслабленной позе, слегка согнув левую ногу. Словно ждала, когда наконец вся эта докука закончится и можно будет пойти по магазинам.

Часы ударили трижды.

Переводя взгляд с одного дуэлянта на другого, я вдруг заметил легкое движение на крыше противоположного дома: какой-то волосатый тип без шляпы, но зато с винчестером показался из-за ее конька и сейчас старательно выцеливал из своего орудия Цуцулькевич.

Седьмой удар.

Интересно, если я остановлю действие, что мне скажут местные?

Десятый удар.

Удивительные нравы! Мало того, что они тут позволяют женщинам биться на смертельной дуэли, так еще и стреляют в спину!

Одиннадцатый.

С двенадцатым ударом замершая картинка пришла в движение.

Произошло сразу много всего.

Гарри Янкерс со скоростью молнии цапнул свой «магнум», прыгнул в сторону и принялся палить в полете.

Дама Цуцулькевич, не двигаясь с места и не прерывая благодной улыбки, легким, непринужденным движением – быстрее молнии – выхватила из кобуры десятизарядный пистолет «бэби игл» (ну конечно!) и от бедра – изящного, надо признать, бедра – засадила в летящего к обочине Янкерса весь магазин; ствол «бэби игла» следовал за Гарри как приклеенный.

Одновременно со всем этим я разнес из «слона» грудную клетку стрелку на крыше.

Грохот выстрелов наполнил улицу, я на мгновение зажмурился, а когда открыл глаза – увидел направленные на меня со всех сторон стволы, но наиболее впечатляющее выглядел «уидли» шерифа, нацеленный прямо мне в лоб. Ну любят шерифы эти пистолеты, любят!

Я миролюбиво поднял «слона» стволом вверх.

Присутствующие молчали и смотрели на меня осуждающе.

Пауза затянулась. Наконец шериф издал сдержанный кашель и щель его рта чуть открылась – служитель закона собрался огласить обвинение, и тут прямо к его ногам с крыши свалился волосатый злоумышленник, а следом брякнулся и его «винчестер».

По толпе пронеслось сдержанное «а-а-ах-х-х-х...».

Шериф окинул внимательным взглядом распростертое перед ним тело, «винчестер» с оптическим прицелом, цепко оглядел меня (разумеется, не узнал) и револьвер в моей руке – я невинно пожал плечами – сложил все эти разрозненные элементы воедино, кивнул и убрал «уидли» под мышку.

– Это было нечестно, – зычно объявил он, и под разом вспыхнувшие возбужденные выкрики с мест «да, да, нечестно!» не спеша двинулся к бездыханному Гарри Янкерсу, изрешеченному пулями по всей – ото лба до правой ноги – длине немалого организма.

Зрители стали успокаиваться и убирать оружие; ко мне подходили какие-то люди и уважительно говорили «сэр!», кланялись, стремились пожать руку; потом все расступились: не обращая особого внимания на окружающих, прямо ко мне, меняя на ходу магазин в своей девятимиллиметровой пушке, двигалась улыбчивая дама Цуцулькевич.

Подойдя вплотную, она протянула узкую, затянутую в тонкой кожи перчатку ладонь:

– Жужу. – Аккуратно вставила «бэби игл» в кобуру, запахнула пончо. – Спасибо, сэр. Это и правда было нечестно. Хотите блинов?

6

Нельзя сказать, чтобы я хотел таинственных блинов – природная смекалка подсказала мне, что блины едят, а я завтракал всего полчаса назад, неплохо притом завтракал, плотно – но отказать себе в удовольствии принять предложение дамочки, только что вот так запросто уложившей – между прочим, ни одна пуля не прошла мимо! – громадного бугая с офигенным «магнумом», я оказался не в силах. Так что вскоре уже сидел на табуретке у большой плиты кухни «Пауланера» и наблюдал, как не расстающаяся с улыбкой Жужу Цуцулькевич само-забвенно размешивает что-то жидкое в большой миске. В ожидании я достал из жилетного кармана сигарку. Жужу немедленно потребовала себе такую и жизнерадостно задымила.

Мадам Цуцулькевич – да, именно мадам, ибо Жужу уже в третьей фразе поведала мне, что она замужем, и даже показала пальчик с тонким золотым кольцом – мадам Цуцулькевич добилась всего шутя: вошла в «Пауланер», приблизилась к стойке, улыбнулась Штайнеру-младшему и приятным тихим голосом спросила, будет ли ей позволено угостить своего нового знакомого блинами, которые она немедленно приготовит, если ее проведут в кухню. Не знаю, нашелся бы на свете человек, который смог бы отказать мадам Цуцулькевич; во всяком случае Вальтер к таким людям определенно не относился – и перед Жужу распахнулась дверь служебного входа, и один из поваров был отогнан прочь от плиты; тут же возникла пара табуреток, большая миска, чугунная сковорода, ложка, а также немногочисленные потребные ингредиенты: мука, молоко, подсолнечное масло и три яйца.

Жужу, предварительно освободившись от пончо, все это последовательно бухнула в миску и начала, не переставая радоваться окружающему и несомненно доброму миру, возить там ложкой, одновременно сообщая мне всякие мелкие подробности из своей жизни.

Выяснилось, что Жужу в Клокарде проездом – как, собственно, и везде, ну, быть может, за исключением собственного дома, хотя лично у меня сложилось впечатление, что и там она тоже практически в гостях. Цуцулькевич путешествует – ею с детства владеет neodолимая страсть к перемене мест – и за свою короткую жизнь она успела побывать в такой чертовой уйме стран и местностей, что аж дух захватывает. Раньше ей не сиделось на месте больше недели; но потом оказалось, что мир на самом деле не слишком уж и большой и если двигаться по нему такими темпами, он скоро закончится, поэтому срок пребывания в новом месте был вынужденно продлен до двух недель, в чем мадам со свойственным ей оптимизмом тут же нашла свои прелести: ведь если пожить на одном месте подольше, то можно и узнать про него побольше, и даже сходить в театр или на выставку. Жужу со всех сторон окружали интересные люди, хотя – тут она вздохнула счастливо – некоторых из них вскоре после знакомства случалось и пристрелить, правда, Жужу такие вещи не нравятся, но это все равно здорово, а кроме того – большой жизненный опыт и новые впечатления, которых никогда не бывает много, ведь правда? Хотите помешать тесту?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.